Ирина Андросова
Закалка от Шанель

Ирина Андросова
Заколка от Шанель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183151
Ирина Андросова. Заколка от Шанель: АСТ, АСТ Москва; Москва; 2009
ISBN 978-5-17-056389-0, 978-5-403-01136-5

Аннотация

Однажды в лихой коммуналке собрались среди ночи аспирантка Сашенька, ее лучшая подруга Люська, дядюшка Люськи, эксцентричный милиционер Веня, молдавская торговка Любаша, дворник-таджик Равшан и хирург Аркадий...

В ту же ночь Аркадий решил сдать в аренду бандиту Сене Пупу таинственный медицинский прибор, а под утро Сеня Пуп был найден убитым.

Участковый Свиридов и следователь Козелок только разводят руками.

Аркадия обвиняют в краже прибора и грозят уволить с работы.

Люська и Сашенька решают помочь бедняге, начав собственное расследование случившегося.

Вопрос один: кому и зачем понадобилось не только убить Сеню, но и похитить совершенно непонятный прибор?

Возможностей много. Хуже с мотивами...

Ирина Андросова
Заколка от Шанель

Я и сама знаю, что лавочка за станцией метро «Кузьминки» – не самое лучшее место для одинокой девушки в два часа ночи. Но деваться было некуда, и я вместе с вещичками в ожидании Люськи коротала время на темной заброшенной скамейке. Подумаешь, не очень-то и хотелось оставаться в их пафосном общежитии, набитом снобами и скандалистами. Комендант этот, Степан Иванович, старая калоша, прицепился как клещ. «Ты, – говорит, – Абрикосова, здесь вообще на птичьих правах, а сама ведешь себя как форменная хулиганка!» А какая я, спрашивается, хулиганка, когда я аспирантка и научные исследования провожу? Кричал, как раненый лось, на весь этаж: «Я до ректора академии дойду! Покиньте наше образцовое общежитие!» А чего я такого сделала-то? Ну, поставила к кроватям Ленки Ивановой, Таньки Шагановой, Ирки Свиридовой и Алевтины Николаевны из Сестрорецка вместо тапочек тазики с холодной водой. Так это ж не из хулиганских побуждений, а исключительно из научного интереса.

Дело в том, что я собираю материал для кандидатской диссертации, тема которой звучит так: «Сравнительный анализ эмоционально окрашенных слов и выражений, используемых представителями различных темпераментов в стрессовых ситуациях». А где мне, скажите на милость, искать холериков, меланхоликов и сангвиников вместе с флегматиками, если не в родном общежитии? Вот я, как могла, и создавала своим соседям по общаге стрессовые ситуации. А сама с блокнотиком и ручкой, затаившись в шкафу либо под кроватью, смотря по обстоятельствам, самоотверженно фиксировала все их слова и выражения. Замечу – эмоционально окрашенные.

Пока я в тиши сквера предавалась горестным размышлениям, за спиной зашуршало и вкрадчивый мужской голос ласково произнес:

– Что, красавица, в одиночестве скучаем? Может, прогуляемся?

Из темноты на освещенный фонарем пятачок у лавочки шагнул высокий, крепко сбитый парнишка в стильной кепке с пуговкой на темечке и игриво склонился над моей понурой фигурой, скрючившейся на скамейке. Я подняла голову, откинула волосы назад и пристально посмотрела на любителя ночных знакомств. Парень отшатнулся в сторону, подвернул на бордюре ногу и, тихо охнув, сел прямо на асфальт. Я хотела оказать пострадавшему первую помощь, но он только слабо замычал и в ужасе замахал на меня руками. Такая, знаете, типичная реакция флегматика на стресс. Я достала из кармана джинсовки ручку и блокнот и кропотливо занесла все междометия, которые слабый нервами крепыш продолжал негромко бормотать, отмахиваясь ладошкой и плюя в мою сторону.

– Ищеев, ты где, Ищеев? – донесся из кустов позади лавочки тихий шепот.

В зарослях сирени завозились, и передо мной возник молоденький милиционер в просторной фуражке, повисшей на ушах. Выставив перед собой обе руки с зажатым в них табельным оружием, нацеленным на меня, милиционер, обходя скамейку, крадучись подбирался к Ищееву. Не спуская с моего лица испуганных глаз, худой вьюнош в фуражке осторожно присел на корточки перед травмированным товарищем и, обмирая от страха, торопливым шепотом проговорил:

– Это ведь она, да, Ищеев? Та самая, да? Ну и рожа, блин! Вот уродина, ночью приснится – одеяло порвешь! На морде будто черти горох молотили.

Я удовлетворенно кивнула и занесла услышанный монолог в раздел, посвященный меланхоликам. Тут и думать нечего, меланхолик и есть, однозначно. Тип тревожный, легко возбудимый, губы трясутся, и голос дрожит. Флегматичный Ищеев, морщась и потирая ушибленную ногу, в ответ на его слова согласно кивнул.

– Будем задерживать, да? – волновался молодой, дергая щечкой.

– Да пошла она, – сквозь зубы процедил Ищеев, поднимаясь с асфальта и опасливо поглядывая на меня. – Ты у нее, Касаткин, документы, что ли, посмотрел бы.

– Эй ты, документы покажь! – крикнул Касаткин в мою сторону.

Я сдула с глаза легкую челочку и кокетливо пожала плечом, давая понять, что принимаю их слова за шутку. Оба молодца в ответ на мой безобидный жест синхронно шарахнулись назад так, будто мимо них просвистело пушечное ядро. Я уже хотела встать и вытащить из сумки паспорт, но тут вдали послышался шум мотора приближающейся машины, который через секунду сменился скрипом тормозов прямо позади моей лавочки. Слава тебе, Господи, Люська! Ну наконец-то подруга приехала за мной и теперь заберет с этой скамейки в место более уютное и спокойное, чем промозглый ночной скверик, кишащий идиотами.

Люська, а это действительно оказалась она, картинно распахнула дверцу своего алого спортивного авто и, по-голливудски выставив ножку в чулке и туфельке на шпильке, выбралась из машины. Вот вся она в этом, позерка несчастная! Нет чтобы, как я, ходить в джинсе и гриндерсах. Практично, удобно и не обманывает мужских надежд. Но подруга придерживалась диаметрально противоположных взглядов на отношения между полами. Она считала, что женские уловки – это то, на чем держится мир.

Вот и сейчас маленькое черное платье, едва прикрывающее резинку чулок, Люська намеренно одернула с некоторым опозданием, предоставив заинтересованным зрителям вволю насладиться видом ее стройных ног. Потрясенные внезапным появлением гламурной штучки мужчины так и замерли с открытыми ртами.

– Салют, мальчики, – небрежно бросила подруга и, помахивая крокодиловой сумочкой цвета темного бордо (в тон туфлям), шикарной походкой двинулась ко мне.

Я приветливо помахала рукой. Люська фыркнула и сердито проговорила:

– Ну конечно, Абрикосова. Ты, как всегда, в своем репертуаре... Ну и зачем ты, чудо мое, маску Валерии Новодворской нацепила?

И Люська вероломным движением сорвала у меня с головы резиновый лик политической дамы. Я по инерции растерла вспотевшее без воздуха лицо ладонями, цепляясь за пирсинг в брови и в носу, а Ищеев и Касаткин с облегчением вздохнули и уже смелее приблизились на расстояние вытянутой руки.

Ага, хорошенькое дело! Сама же и привезла мне из Лондона маску Валерии Ильиничны вместо обещанных родных гриндерсов синего цвета, а теперь «зачем нацепила?». Ясное дело зачем – повергать в шок окружающих и записывать их вербальную реакцию на меня. Я уже месяц в этой маске по разным лавочкам у метро в ночи кочую – собираю диссертационный материал.

– Сашка, хватит дурака валять! – кипятилась Люська, размахивая резиновой головой одиозной демократки. – Кидай вещички в багажник, и поехали.

Подруга ухватила мой клетчатый баул с пожитками и, сгибаясь под тяжестью ноши, на подламывающихся шпильках двинулась к машине. Но тут пришли в себя потрясенные флегматик с меланхоликом.

Травмированный падением Ищеев почесал сначала больное место, потом крутой лоб под кепкой и напряженным голосом проговорил:

– То есть как это поехали? Мы вот ее вот, – парень ткнул в меня пальцем, – уже неделю выслеживаем, у нас в отделении на эту подругу пачка заявлений лежит. Мол, в скверике у метро появилась редкая образина. Заманивает мужчин притворной кротостью поведения и посредством своего ужасного внешнего вида надолго лишает их половой функции. А это, между прочим, трактуется законом как причинение тяжкого вреда здоровью. Так что никаких «поехали», а пройдемте, гражданочка, с нами в отделение.

И высокий крепыш, окончательно осмелев, ухватил меня под локоток и настойчиво повлек в сторону метро. Юный Касаткин семенил следом и, то и дело сдвигая с ушей на затылок слишком просторную фуражку, тыкал мне в спину табельным оружием. Но я решила просто так не сдаваться и вообще продать свою жизнь как можно дороже. Поэтому вывернулась из цепких милицейских лап и, забежав за шикающую на меня подругу, из-за ее спины закричала, глядя то на одного своего конвоира, то на другого:

– Вы бы лучше этих самых заявителей задерживали. Выясняли, с чего это вдруг здоровые мужики рыщут по ночам в скверике и пристают к одиноким девушкам!

Люська, которая отчаялась докричаться до меня, зло лягнула мою щиколотку острым мыском модельной туфли, призывая к тишине, и, не отрывая льстивых глаз от кепки крепыша, сладким голоском пропела:

– Не обращайте на Абрикосову внимания, ладно, мальчики? Она у нас со странностями. Я вам за Сашку ручаюсь, больше она в этот скверик ни ногой. Лично проконтролирую, вот честное слово! Отпустите нас, а?

– То есть как это «отпустите»? – не понял крепкий Ищеев. – Я травму ноги получил, ходить не могу, а вы – отпустите! Доставим как миленькую в отделение, выпишут нам с Касаткиным премию, и я со спокойной совестью пойду на больничный – ушиб лечить.

Люська окинула сметливым взглядом практичного милиционера в штатском, расстегнула сумочку, извлекла из кармашка пятисотрублевую купюру и, презрительно щурясь, протянула Ищееву. Тот мрачно посмотрел на предложенную взятку, скептически хмыкнул и, кивнув на ушастого коллегу, насмешливо проговорил:

– Вообще-то нас двое. И мне, как старшему по званию, двойной тариф полагается.

Люська скроила брезгливую мину, снова пошарила в том самом кармашке, где до этого нарыла денег, и, выкупив меня у стражей порядка, потащила к машине.

По дороге она, не замолкая ни на секунду, жалобно причитала:

– Ну что ты за наказание такое? У всех подруги как подруги, одна ты, Абрикосова, как чудо в перьях какое-то... Или вы все, психологи, такие шибанутые?

– А сама-то ты кто? – не выдержала я. – Сама-то тоже, между прочим, на психолога хотела учиться!

– Да, хотела, но не стала же! – с достоинством ответила Люська. – Я, может, вовремя опомнилась и передумала.

И вовсе Люська не передумала. Врет она все. Учиться на психолога моя подруга, наплевав на нашу многолетнюю дружбу, расхотела вот почему. Второго сентября, когда мы, студенты-первокурсники еще до конца не верили в чудо зачисления нас в университет и считали всех преподавателей если не богами, то их наместниками на земле, первой парой стояла лекция по психологии. Молодой синеглазый препод Руслан Георгиевич, подлая его душа, раскрыт список студентов-новобранцев, еще не приученных к его психологическим подвывертам, вчитался в длинный столбец фамилий, окинул шалым взглядом аудиторию и, ухмыльнувшись, злорадно произнес:

– Ну-с, давайте знакомиться. Приходько!

Подпрыгнув от неожиданности, со своего места торопливо поднялась скромная Маринка Приходько. Понятное дело, все ждали, что начинать знакомиться будем по алфавиту, а не в вольном, так сказать, порядке.

– Раздобудько! – снова выкрикнул злокозненный Руслан Георгиевич.

Валя Раздобудько, кусая губы, нехотя встала из-за парты.

– Наливайко! – под отдельные смешки продолжал глумиться препод.

Максим Наливайко покраснел и чуть приподнял зад над скамейкой, обозначив вставание.

– И наконец, Пьяных! – подвел Руслан Георгиевич итог своему выступлению.

Инка Пьяных, почуяв неладное, еще на «Наливайке» вскочила со скамьи и, сметая подолом тетради с парт, кинулась прочь из аудитории. Не получив отклика на очередной свой зов, преподаватель обвел пытливым взглядом хихикающих первокурсников и прозорливо заметил:

– Сдается мне, что это именно студентка по фамилии Пьяных только что без спросу покинула аудиторию.

Те, с кем преподаватель уже познакомился, молча стояли под перекрещенными взглядами потешающихся одногруппников и ждали решения своей участи.

Выдержав театральную паузу, Руслан Георгиевич невозмутимо изрек:

– Надеюсь, вы, все четверо, подружитесь самым тесным образом...

В этот самый момент я поняла, что безумно хочу быть психологом. Потому что циничнее их, пожалуй, только врачи да гробовщики. А я всегда полагала, что в характере мне не хватает именно здорового цинизма. И всеми доступными способами старалась исправить сей недостаток. Когда хохот под сводами аудитории стих, в помещение робко всунулась голова перепуганной Инны Пьяных, которая чуть слышно попросила разрешения войти. И препод, дав милостивое соизволение, продолжил изгаляться над нами, несчастными первокурсниками. Он разбил на подгруппы весь список курса, поселив в моей душе уважение к его трудолюбию. Меня, Александру Абрикосову, он отнес в одну группу с Владиком Томатовским, Катей Зеленцовой, Ингой Кашиной и Юлькой Шницельман. А затем, хитро взглянув на еле сдерживающих хохот студентов, вбил последний гвоздь в гроб Люськиной мечты получить со мной на пару высшее психологическое образование, поместив ее, Людмилу Криворучко, среди Виктора Пулкова, Ирки Задовской, Наташки Ногиной и почему-то Левы Козлоухова.

Самое удивительное, что Руслан Георгиевич как в воду глядел. Приходько, Раздобудько, Наливайко и Пьяных действительно подружились и сделались на протяжении всех пяти лет обучения неразлучной четверкой. А вот Люська на следующий же день после пресловутого знакомства назло Руслану Георгиевичу бросила Университет психологии окончательно и бесповоротно.

А в принципе моей подруге с таким папашей, как Альберт Яковлевич Криворучко, вообще образование не нужно. Только голову забивать. Вполне достаточно дикторских курсов при канале ВТВ, на которых Людмилу за бешеные деньги научили более-менее складно излагать свои мысли, равномерно пудрить нос и прилично вести себя в обществе. И теперь Люська занята тем, что ждет предложений от центральных каналов телевидения. Да и предложения эти ей особенно без надобности. Все равно империя казино под маркой «Везувий» рано или поздно достанется ей, Людмиле Альбертовне Криворучко, единственной наследнице магната игорного бизнеса. И вообще, если честно, Люська к работе неспособная. Талантами подруга пошла в папу, и, что уж там лукавить, из всех способностей лучше всего у нее развита покупательная.

– Ну что, чудо мое, куда тебя теперь? – вывеламеня из задумчивости подруга, поворачивая ключ в замке зажигания. – Ко мне нельзя – папаша с Мальты заявился. Неделю дома гужеваться будет.

Меня будто водой окатили. А я так на Люську рассчитывала! Ведь если не к Криворучкам, то мне вообще некуда больше ехать. Страшная правда открылась мне во всей своей неприглядной реальности. Ведь, по сути, я бомж. Нет, у меня, конечно, есть московская прописка. И даже какая-никакая виртуальная квартира в тридцать два квадратных метра имеется. В ней проживают мама и портрет бывшего почтальона по фамилии Филипов, который почему-то возомнил себя мессией и назвался красивым именем Илларион. И мама ему поверила. А после того как мама поверила этому Иллариону Филипову, к ней стали наведываться какие-то подозрительные братья и сестры, жить в нашей крохотной квартирке месяцами,

жечь на линолеуме в кухне костры и петь перед ними мантры. Тогда я пририсовала портрету самозваного мессии рога и клыки, что в принципе, на мой взгляд, отражает Илларионову сущность, и ушла из родимого дома. Что поделать, такова жизнь. Нет нам с бывшим почтальоном и его последователями места под одной крышей.

Ушла я вот в это самое общежитие при универе, откуда меня сегодня так внезапно и бессердечно поперли. К отцу тоже нельзя. Он каждый вечер водит к себе «коллег по работе», как корректно именует разнообразных теток.

К Лешке? Нет, и к Лешке не пойду. Не могу я ему этого простить. В общем-то, конечно, я сама виновата, но кто же знал, что он окажется такой сволочью?..

Короче, дело было так. В рамках своих исследований я попросила Люську встретиться с моим парнем и сказать ему, что я попала под машину. Насмерть. Все, мол, нету меня больше на белом свете. Похороны в среду. Что перед смертью, дескать, маясь в горячечном бреду, звала его по имени и просила кинуть в могилку Спанч Боба и Гомера Симпсона.

Я затаилась под Лешкиной дверью и приготовилась записывать крики отчаяния и горестные завывания осиротевшей души любимого человека, вместе со мной утратившего смысл жизни. А вместо этого услышала веселый голос того, кого целый год считала своим парнем:

– Да? Померла? Ну и хрен с ней. Мне Сашка никогда и не нравилась. Мне ты, Люсь, больше нравилась, но я подойти к тебе стеснялся. Ты такая классная, и машина у тебя офигенная...

Машина у Криворучко и правда зашибонская, красная «мазератти», но мне-то от этого не легче. Так что и к Лешке идти нельзя. Что я себя, на помойке, что ли, нашла? У меня, между прочим, внешние данные – закачаешься. Пирсинги во всех мыслимых и немыслимых местах, браслеты из бисера и камушков – сама плела, колечек одних только по два на каждом пальце. Крруууто! Правда, ногти, сволочи, не растут, приходится мазать бордовым лаком то, что есть. Накладные я не делаю из принципа – не люблю голимую кичуху. Джинсы ношу узенькие, модные, приспущенные на талии и на честном слове обвисшие где-то в районе нижней части бедер, эротично открывая трусики-стринги. Ну, маечка, там, с моим любимым Симпсоном – это уж само собой. Сумка у колена болтается большая, вместительная. Завистливая Криворучко глумливо именует ее «переметная сума». И между прочим, зимой и летом ношу высокие стильные гриндерсы красного цвета, что тоже для понимающего человека немаловажно. Между прочим, двадцать пять лет никто никогда мне не дает, все думают, что мне не больше восемнадцати. Так что мне стесняться нечего, я девчонка хоть куда. Любой нормальный парень почтет за честь иметь такую подружку. А что, это вариант – пусть меня Люська отвезет на какую-нибудь ночную дискотеку, я там попрыгаю с часочек, найду себе клевого перца и попрошусь к нему жить.

– Ты чего, Абрикосова, совсем, что ли, дурочка? – возмутилась подруга, выслушав мой план дальнейших действий на сегодняшнюю ночь. – Ты иногда такое брякнешь, что я сомневаюсь, в своем ли ты уме. У меня дядя Веня есть, он тоже, вот прямо как ты, такой чудак...

Люська осеклась и задумчиво посмотрела на меня продолговатыми карими глазами. Натуральная блондинка с карими глазами – это, между прочим, большая редкость. Только вот Люська не натуральная, а крашеная.

– В общем, так, – решительно произнесла подруга, подумав с минутку. – К нему мы сейчас и поедем. Дяде Вене как раз помощница по хозяйству требуется. А ты у нас девушка шустрая, так что перекладывать кирпичи с места на место у тебя очень даже здорово получится. Тем более что поселишься там всего на неделю, пока папашка обратно на Мальту не свалит. А там хоть навечно переберешься ко мне в «Зурбаган».

* * *

Загадочная фраза про кирпичи не давала мне покоя всю дорогу. Но спросить было недосуг – терзали горькие воспоминания о Лешке-предателе. В душе теплилась слабая надежда, что Люська произнесла слово «кирпичи» не в прямом, так сказать, а в переносном смысле. Знаете, некоторые так книги толстые называют. Мол, такой кирпич прочел – умереть не встать. Ну а с книгами-то уж я привыкла управляться и в два счета разберусь хоть с целой библиотекой таких «кирпичей».

Мы миновали Садовое кольцо, свернули на Новый Арбат, а оттуда ушли в переулки. Поплутав впотьмах по арбатским задворкам, остановились у старинного четырехэтажного особняка с львиными головами на фасаде. Прямо около подъезда на потрескавшемся асфальте лежал ровный четырехугольник света. Несмотря на поздний час, в квартире на первом этаже не спали.

– Люсь, а это ничего, что мы ночью к твоему дяде Вене завалимся? – выдувая из жвачки пузырь размером с воздушный шар и хлопая им так, что заложило уши, уточнила я.

– Не дрейфь ты, он по ночам работает, – отмахнулась подруга, ловко паркуясь у бордюра.

И я тут же представила себе солидного седого джентльмена, который, разложив на бескрайнем письменном столе красного дерева правительственные бумаги, решает вопросы государственной важности. А может быть, низко склонившись над рукописью и торопливо царапая пером наполовину исписанный лист, строчит мировой бестселлер. Или, на худой конец, застыв перед мольбертом, наносит, откинув голову, последний мазок на гениальное по силе живописной техники и композиционному построению полотно. Но то, что я увидела, повергло меня в смятение. Однако не буду забегать вперед, а поведаю обо всем по порядку.

Люська крякнула сигнализацией, запирая машину, процокала каблуками к парадному, но заходить не стала, а, рискуя порвать капрон, вскарабкалась на выступ дома и глянула в освещенное окно. Удовлетворенно кивнув, подруга тут же спрыгнула на асфальт.

– Чего стоишь, пошли! – распорядилась она и, на ходу доставая ключи, первая двинулась в темный подъезд.

Я подхватила клетчатую торбу с барахлом и, путаясь в переметной суме, что охаживала меня по коленям, поспешила за Люськой. На лестничную площадку первого этажа вели три ступенечки. Справа располагалась добротная филенчатая дверь из массива красного дерева, слева – обшарпанная картонная дверка, лет двадцать назад крашенная коричневой масляной краской под дуб. Именно ее-то и принялась ковырять ключом подруга.

Порядком повозившись, но все же в конце концов отворив дверь, Люська деловито прошмыгнула в темное нутро квартиры. Я, сгибаясь и кренясь набок под тяжестью сумки с вещами, ввалилась следом за ней. И тут же налетела на что-то звонкое и металлическое, что впотьмах опрокинулось, покатилось и загудело, как медный колокол. И сразу же откуда-то сбоку на меня грохнулась какая-то палка – не то метла, не то лопата. Вспыхнул свет, и я смогла убедиться, что первое мое предположение, оказывается, было верным. Все-таки стукнуло меня по спине метелкой.

Пока я, согнувшись в три погибели, подбирала с пола и ставила обратно в угол ведра и метлы, вспыхнул свет и из ближайшей двери показался маленький кривоногий таджик в стеганом полосатом халате. Запустив в высоко запахнутый вырез халата пятерню, таджик с видимым удовольствием почесывал цыплячью безволосую грудь и отчаянно, во весь рот, зевал. Завидев Люську, замершую с испуганным лицом у стены коридора рядом с выключателем, дядька что-то пробормотал не по-русски и повернулся, чтобы уйти.

– Здравствуй, Равшан, – пролепетала Люська, улыбаясь натянутой улыбкой.

– И тебе, Люся-джан, здравствуй, – приветливо откликнулся маленький человечек, исчезая в своей комнате.

– Давай, давай, пошееел! – приглушенно донеслось откуда-то из конца коридора.

Орали нараспев густым басом. Такими басами обычно служат праздничные службы в кафедральных соборах и поют арии злодеев в оперных театрах.

– Дядя Веня, – прокомментировала услышанное подруга и припустила по длинному коридору на голос.

Я изо всех сил старалась не отставать, но предметы, украшавшие стены, оказались такими занимательными, что вынуждали меня то и дело притормаживать, чтобы получше все рассмотреть. Основное место занимали номера различных телефонов с подписями имен их обладателей, но встречались и вещи поистине удивительные. У самого входа каким-то немыслимым образом крепился к стене под потолком древний, как паровоз братьев Черепановых, велосипед с ржавой рамой и такими большими колесами, что казалось, будто их позаимствовали у парочки ветряных мельниц. Метрах в полутора от этого старинного средства передвижения висел на стене огромный котелок, именуемый, если мне не изменяет память, казан. Он был так велик, что свободно вместил бы в себя среднюю московскую семейку с не очень крупным папой.

Между ними, прибитый к стене, красовался допотопный телефонный аппарат из черной, как вороненая сталь, пластмассы. Помимо цифр, на белом фарфоровом диске его чернел ряд букв. Должно быть, в начале двадцатого века именно в такие вот приборы кричали большие начальники: «Але! Але!Ж-15-25! Барышня, дайте Кремль!» Тут же у стены стоял стул, такой же старинный и ветхий, как и телефонный аппарат над ним.

Разинув рот и заглядываясь по сторонам, я шла по скрипучему дубовому паркету, более полувека не знавшему мастики и щетки. Голова моя смотрела в одну сторону, ноги по инерции несли согбенное под тяжестью сумок с вещами тело в другую. И только неожиданное препятствие, на которое я довольно чувствительно налетела плечом, заставило части моего организма прийти в более или менее правильное расположение относительно друг друга. Брякнув сумки на пол, я крутанула головой на сто восемьдесят градусов и испуганно глянула вперед. И нос к носу столкнулась с заспанным молодым человеком, привалившимся спиной к косяку приоткрытой двери в самом центре коридора. Весь его вид – переплетенные на груди руки, поджатые тонкие губы и левая нога, выбивающая сердитую дробь, – выражал крайнюю степень раздражения и не сулил ничего хорошего мерзавцу, посмевшему нарушить его покой.

– И далеко мы направляемся? – перегораживая мне проход, полюбопытствовал он.

– Аркаш, это моя подруга, – тут же подскочила Люська, игриво улыбаясь и кокетливо заглядывая парню в глаза. – Она будет дяде Вене по хозяйству помогать...

– Час от часу не легче, – пробурчал парень, окидывая меня сердитым взглядом, и, скрывшись в комнате, так шарахнул дверью, что штукатурка легким снежком припорошила светлую Люськину голову.

Я схватила Криворучко за руку и тревожно зашептала:

– Люсь, кто эти люди? Таджик этот, Аркаша... Они что, живут здесь, что ли?

– Ну да, живут, а что здесь такого? – вскинула тоненькие бровки подруга.

– Так это что, коммуналка? – возмутилась я. – Ты что, меня в коммуналку на постой определить решила?

Люська мигом встала на дыбы, сделала свирепое лицо и яростно зашипела:

– Ну ты, Абрикосова, вааще даешь! В твоей ситуации и еще права качать! Если не нравится, могу отвезти обратно на лавочку у метро. Или в ночной клуб, куда ты так рвалась всего лишь пятнадцать минут назад. Там как раз обкуренные яппи все еще тусуются. Они будут тебе несказанно рады. Только не забудь нацепить маску Новодворской, и у тебя

отбоя не будет от кавалеров. А самый невменяемый прихватит тебя, как диковинную зверушку, с собой на Рублевку. Поселит на медвежьей шкуре перед камином, будет кормить с рук самыми лакомыми кусочками со стола и показывать гостям – таким же обдолбанным идиотам, как и он сам. Но учти, это будет продолжаться до тех только пор, пока ты окончательно не упреешь под противогазной резиновой рожей. И когда ты сорвешь с себя маску демократки-экстремистки, в ту же секунду будешь с позором изгнана из этого своего рублевского рая. Тогда ко мне не приходи и не просись, как ты изволишь выражаться, к дяде Вене «на постой». Уяснила?

Как ни тяжело мне было это сделать, я вынуждена была признать Люськину правоту и согласиться с ее железобетонными доводами. Идти мне действительно было некуда. А потому я печально вздохнула и покладисто разрешила:

– Ладно уж, чего там, веди к дяде Вене.

Люська окинула меня придирчивым взглядом, как видно, прикидывая, подхожу ли я для того, чтобы быть представленной ее родственнику, с сомнением покачала головой, но все-таки ухватила меня за руку и двинулась вперед. Остановилась перед чуть приоткрытой дверью, толкнула створку в глубь комнаты и шагнула за порог. Встав на цыпочки и вытянув шею, я с любопытством выглядывала из-за плеча подруги. Дивная картина, больше всего напоминающая досуг в сумасшедшем доме, открылась моим глазам.

Посреди комнаты, на полу, широко раскинув ноги и упираясь руками в колени, сидел здоровенный детина, какими иллюстраторы детских книг изображают былинных героев. Тот, что восседал перед нами, мог с равным успехом олицетворять собой Илью Муромца, Добрыню Никитича или, на худой конец, Никиту Кожемяку. Авот безусым Алешей Поповичем он быть никак не мог по причине патриаршей бороды, заплетенной в косицу и засунутой для удобства в карман байковой рубахи в красно-синюю клетку.

– Давай, родной, давай! – переживал обладатель диковинной бороды, барабаня по колену пудовым кулаком и не отрывая азартных глаз от странного сооружения, разложенного перед ним на немытом паркете.

Сооружение это представляло собой длинный гофрированный шланг, прозрачный по всей своей длине. С одного конца шланга крепилась пластмассовая мыльница, с другой стороны раструб закрывала пластиковая пробка. Две яркие точки – красная и синяя – двигались внутри загадочной конструкции. С них-то, с этих самых точек, и не спускал горящих глаз Люськин дядя Веня.

– А чего это... – начала было я, желая выяснить, что здесь происходит, но тут же заткнулась, раздосадованно глядя на Люськину ногу, с силой давящую каблуком на мой продвинутый гриндерсовский башмак.

Да что же это такое делается, совсем меня своими каблучищами за сегодняшний вечер истоптала! Я повернулась, чтобы уйти, но тут раздался хлопок, шлепок и дикий, прямо-таки богатырский, рев.

– Урррра! Наши победили! – голосил Люськин родственник, подкидывая в воздух содранную с головы тюбетейку.

Я просочилась под локтем у подруги и осмотрелась по сторонам.

Как только мы с Люськой открыли дверь, все мое внимание тут же поглотил сам хозяин помещения. И только теперь, когда я вдоволь налюбовалась на его широкую спину, занятую азартным разглядыванием пластиковой трубы, я смогла оторваться от дяди Вени и оглядеться. Складывалось впечатление, что в помещении велись строительные работы и одновременно шла генеральная уборка. Знаете, наверное, как это бывает. Сначала устраивается основательный бардак с выкидыванием на середину комнаты вещичек с полок шкафов и выдвиганием всех мыслимых ящичков из письменного стола, а затем все это перебирается,

сортируется и раскладывается по своим местам. Было похоже, что мы пришли в тот момент, когда подошла к завершению первая часть этого масштабного мероприятия.

На размышления же о ремонте наводили разбросанные по углам комнаты самые разнообразные кирпичи и ворохи пожелтевших от времени газет. Компьютерный стол со светящимся жидкокристаллическим экраном диагональю в двадцать один дюйм странно диссонировал с продавленной панцирной кроватью, кое-как накрытой шитым подзорами и мережками некогда белым покрывалом. Заваленный книгами круглый стол посреди комнаты, табуретка с табунком грязных чашек разной масти и калибра, стулья, заваленные одеждой, и пустой, раскрытый настежь полированный шкаф – вот, пожалуй, и вся обстановка дяди-Вениного жилья.

Стараясь не споткнуться о разбросанные кирпичи, я приблизилась к плексигласовой мыльнице, внутри которой металась красная точка. Нагнулась пониже и, выдув жвачный пузырь, стала рассматривать содержимое прозрачной коробочки. Вы не поверите, но по мыльнице, делая двести километров в час (никак не меньше!) очумело носился таракан с крашенной лаком хитиновой спинкой. Иногда он пробегал по тельцу своего голубого собрата, без признаков жизни валяющегося тут же, в мыльничной ловушке.

– Поняли, свистушки? Выживает самый шустрый! – победоносно глядя на нас, объявил дядя Веня. А потом, окинув Люську испытующим взглядом, распорядился: – Ну, Людмила, раз уж ты пришла, сходи-ка к мойке и пошукай там новых бегунов.

Люська загадочно улыбнулась и, ткнув в меня пальцем, ехидно ответила:

– Я тебе помощницу привела, она пусть и шукает.

Былинный Илья Муромец, кряхтя и опираясь на стол, поднялся во весь свой немалый рост, ухватил с дивана костыли, которые я раньше не заметила, и, дружелюбно глядя на меня, пригласил:

– Ну, пойдем, красавица, я тебе покажу, где у меня спортивная база...

Дорогой дядя Веня объяснял, что в тараканьих бегах важен конструктивный принцип финиша. Первого таракана барьер не трогает, а коль уж прибежал вторым – извините подвиньтесь. Крышка срабатывает как гильотина, прихлопывая ленивого бегуна в момент его позорного финиширования. Конструкцию беговой дорожки он, Вениамин Палыч Криворучко, изобрел и смастерил сам. Надо бы гениальное изобретение запатентовать, да все как-то недосуг.

Я тащилась за Люськиным родственником и от нечего делать разглядывала его со спины. Длинный хвост темных вьющихся волос, забранных кокетливой розовой резинкой с пластмассовым попугаем, спускался по его плотной спине и доходил почти до крестцового отдела позвоночника. А на темечке, как лесное озеро, поросшее по бережку камышом и осокой, стыдливо выглядывала круглая лунная лысина, ранее прикрытая тюбетейкой, заброшенной в порыве чувств на шкаф.

Мы наконец достигли кухни, ибо на костылях дядя Веня передвигался хоть и громко, но медленно. Приблизившись к раковине, он отложил костыли, опустился на четвереньки и начал извлекать из-под мойки различные банки, кастрюли и прочие звонкие предметы. Надо заметить, что в ночной тишине мелодичный звон стекла и металла гулко разносился по спящей квартире и, ясное дело, не мог порадовать остальных жильцов коммуналки. И Люську, по-видимому, это беспокоило. А иначе зачем она залетела на кухню и как раз в тот момент, когда дядя Веня извлекал на свет божий небольшой такой тазик с перекатывающимися в нем чашками без ручек, с трагическими нотками в голосе зашептала:

– Тише, дядя Веня, ночь на дворе, соседей разбудите!

Но было поздно. Из комнаты, что располагалась по центру квартиры, выскочил разъяренный Аркаша и, брызжа слюной, заорал:

– Какого черта вы тут устроили?! Мне к девяти на дежурство, а я на сутки теперь по вашей милости с больной головой пойду! Сначала этот Дуримар полночи на своих костылях тараканов ловил, теперь эти две тупорылые ослицы перенимать опыт приперлись. Что, маэстро, – ядовито обратился парень к Люськиному дяде, – молодому поколению тонкости мастерства ловли насекомых передаете? Утра не могли дождаться?

Вениамин Палыч даже бровью не повел, продолжая шарить рукой где-то под мойкой. Аркадия это немного остудило, и он на полтона ниже продолжал:

– Вениамин Палч, я, конечно, понимаю, вы человек свободной профессии, для вас что день, что ночь – пофиг, а нам, простым смертным, как быть прикажете?

Не успел Аркадий завершить свою исполненную праведного гнева тираду, как тут же из ближайшей к входной двери комнаты высунулась подкопченная жарким солнцем Таджикистана раскосая голова Равшана и сказала:

– Э, доктор! Зачем кричишь, да? Мне тоже вставать рано, метлой махать нада, а я не ругаюся. Как сказал Омар Хайям, гость в дом – счастье в дом. Между прочим, – важно добавил он, – Омар Хайям – мой дальний родственник.

Рядом с дверным проемом, ведущим на кухню, оказалась еще одна дверь, которую я раньше не заметила. Она тоже распахнулась, и оттуда появилась всклокоченная чернявая тетка, которая сержантским голосом гаркнула на весь коридор:

– Ко-ончай базар-вокзал! Мне два часа спать осталось. А потом весь день на ногах, помидоры вешать. Достал ты, Палыч, со своими тараканами! Почему утром не ловишь? Почему тебе именно ночью шариться на кухне приспичивает?

– А утром все спортсмены спать расходятся, – сосредоточенно хватая пальцами шустро рысящего к плинтусу прусака, с таким трудом выгнанного из-под раковины, негромко пояснил охотник.

Люська отстранила замешкавшегося в дверях Аркашу, выплыла на середину кухни, сделала царственный жест, призывая всех к тишине, и важно начала, плавно указывая рукой на каждого представляемого в называемой последовательности:

– Сашка, познакомься. Это Равшан, он в этом районе дворником работает. Это Аркаша, хирург-травматолог из местной поликлиники. Вот эта дама – Любаша с продуктового рынка. Она здесь у Мишки-алконавта комнату снимает. А вот это, как ты уже, наверное, догадалась, собственно сам мой дядя Вениамин Палыч и есть.

Заслышав свое имя, Люськин коленопреклоненный родственник учтиво кивнул, чего нельзя сказать об остальных.

– Господа, разрешите вам представить мою подругу. Это Саша Абрикосова, новая помощница дяди Вени по хозяйству. Она здесь неделю жить будет.

Я сделала книксен, внимательно посмотрела на этих людей и с удовольствием подумала, что мне здесь безумно нравится. Хотя бы потому, что в этом замечательном месте я совершенно точно нарою кучу материала для моей диссертации.

* * *

Тот день врач-травматолог Аркадий Орлов будет вспоминать недобрым словом всю оставшуюся жизнь. Утро не задалось с самого начала. Вернее, все началось еще с ночи, когда эта задавака Люська, племянница соседа Вениамина Палыча, притащила к ним в квартиру свою прибабахнутую подружку. Маленькая, тощая, как хворая мартышка, она с трудом переставляла ноги в огромных клоунских башмаках и, кроме того, была обвешана килограммами железа на руках, ушах и даже, кажется, на лице. Глядя на нее, хотелось купить ей биг-мак. И даже, может быть, не один. И заставить съесть все, до последней крошки. Вот уж кому высококалорийные холестериновые булочки пошли бы на пользу. Зачем-то Люськина подруга

обтягивала джинсами с мотней на тощем заду свои малопривлекательные нижние конечности и пропорциями здорово напоминала доктору Орлову компьютерную Масяню. Когда же судьба свела его с этой девицей поближе, стало совершенно понятно, что она похожа на эту философствующую хулиганку не только внешностью, но и повадками.

Сам доктор Орлов такого авангардизма не понимал, ибо в поведении и одежде придерживался консервативного стиля, любил рубашки поло, хорошо отглаженные брюки и дорогие аксессуары из натуральной кожи, делающие просто мужчину мужчиной стильным и неотразимым на все сто процентов.

То, что Масяня со странностями, выяснилось прямо тем же утром. Собираясь на работу и, по своему обыкновению, опаздывая, Аркаша не обнаружил ключей, которые всегда вешал в коридоре на передний крючок общей вешалки. Обшарив сантиметр за сантиметром весь коридор, доктор Орлов начал стучаться к соседям.

Равшан только закончил мести улицу, а сейчас переодевался в бухарский халат, который носил дома, и на вопрос соседа лишь с недоумением пожал плечами. Дверь молдаванки Любаши оказалась заперта – да и было бы странно застать торговку овощами в разгар базарного дня. А вот Вениамин Палыч откликнулся сразу, лишь только Аркадий стукнул в дверь. Эта прибабахнутая Саша как раз только закончила складывать пирамиду Хеопса из клейменых кирпичей, которые собирал хромоногий сосед, и теперь разгребала остальной беспорядок, который вечно царил в его комнате.

– Вениамин Палыч, вы ключи мои не видели? – стараясь скрыть тревогу в голосе, с напускным безразличием спросил доктор Орлов.

– Нет, Аркадий, не видел, а что, пропали, что ли? – зычно откликнулся сосед.

– Ну да, куда-то подевались... – расстроенно пояснил хирург.

– А ты в холодильнике смотреть не пробовал? – ехидно пропищала эта пигалица.

Сначала доктор Орлов думал, что девица пошутила, но, порыскав по квартире еще минут десять, все-таки решился последовать совету Люськиной Масяни. Распахнув дверцу холодильника, который с самого первого дня поселения доктором Орловым в Сивцевом Вражке стоял по правую сторону от его кухонного стола и никто – Аркадий был в этом абсолютно уверен – никогда в него не лазал, врач тщательно обследовал свертки с колбасой и сыром, упаковку с сосисками и даже, прищурившись одним глазом, заглянул в открытый пакет молока.

Ключей нигде не было. И тогда парень потянул на себя дверцу морозильника. Просто так потянул, на всякий случай. И – о ужас! Он их сразу же увидел. Маленькая кастрюлька, в которой Любаша обычно варила яйца, стояла на упаковке креветок. В ней замерз толстый слой льда, а во льду, точно муха в смоле, навечно застыли пропавшие ключи доктора Орлова. Что именно орал, пытаясь вырубить ножом вожделенный предмет, он уже точно и не помнит, помнит только, что выражался в несвойственной ему цветистой манере, проклиная саму пигалицу и всю ее родню, бывшую и будущую, аж до седьмого колена.

А эта придурочная, вместо того чтобы спасаться бегством от разгневанного мужика и прятаться куда придется, сунулась в самое пекло. Она выскочила из комнаты, где прибиралась, и, глядя, как Аркадий прыгает вокруг кастрюли на плите, поставленной на максимальный огонь в попытке растворить лед, с самым серьезным видом принялась записывать его площадную брань. Прикусила кончик языка, нахмурила темные брови с бубенцом и, в краткие моменты затишья почесывая кончиком ручки коротко стриженную взъерошенную черную макушку, конспектировала ругательства.

Аркадий даже перестал на нее злиться. Что с убогой возьмешь? На работу он, конечно, опоздал. Главврач Пономарев строго посмотрел на опоздавшего хирурга и с оскорбительной вежливостью заметил, что дурная привычка опаздывать становится для некоторых правилом. Сергей Ильич и так никогда Орлова не жаловал, а теперь, когда вся поликлиника вместе

с травмпунктом только и говорили что о романе Аркаши и кардиолога Верочки, и подавно терпеть не мог. Верочка слыла девушкой приятной, но легкой в поведении, во что никак не хотел поверить влюбленный в нее главврач.

Рабочий день прошел как обычно. Кабинет хирурга осаждали пьяные летуны из окон, которым, как водится, море по колено, и слабые суставами бабули. А вот вечером, когда основной поток посетителей иссяк, доктора Орлова ждал новый сюрприз. Где-то около полуночи рядом с травмпунктом затормозил черный паркетный внедорожник «лексус». Из него выбрался и уверенно прошел в кабинет плотный, хорошо одетый мужчина, широко известный в узких кругах как авторитетный человек Сенька Пуп.

– Привет, братан, – коротко поздоровался Пуп с доктором Орловым, протягивая руку для рукопожатия.

Аркадий слегка напрягся от неожиданного визита авторитетного человека, но виду не подал. Дело в том, что хирург-травматолог в свободное от работы время успешно пользовал подстреленных и подрезанных в дружеских межсобойчиках арбатских бандитов. И была у Аркаши с авторитетными пациентами твердая договоренность – что бы ни случилось, ни при каких обстоятельствах не заявляться в амбулаторию, а вызывать коновала на дом. А тут на тебе: такой уважаемый человек – и сам в травмпункт пожаловал. Заинтересуются органы подобным визитом, и, считай, пропала частная практика травматолога Орлова. Да что там практика, за такие художества и в тюрьму загреметь недолго.

– Да ладно, док, не очкуй, – ласково пожурил Аркашу визитер. – Я сейчас свинчу. Ты мне только феньку одну подгони, ну, знаешь, такую, с проводками, на грудь лепят, чтобы сердце на экранчике смотреть.

– Что за фенька? – насторожился врач. – Я не понял.

– Да я тут штуку одну придумал, – усмехнулся довольный своей изобретательностью бандит, почесывая бычий затылок.

И Семен по кличке Пуп поведал Аркаше Орлову, что вчера у Марата Сущевского в кабаке зацепил одну клевую певичку, которой наплел, что он самый что ни на есть настоящий доктор по сердечным болезням. И в доказательство взялся сегодня измерить ей сердечный ритм. Аппарат такой, весь из себя навороченный, ясное дело, у него в спальне стоит, рядом с кроватью. Он им каждое утро себе ритм сердечный замеряет, без этого даже и с постели не встает. И дурочка поверила. Обещала сегодня после выступления наведаться к нему в квартиру для медицинских процедур. Вот весь день уважаемый человек и мотается по Москве в поисках этой хреновины, и только сейчас его прорубило, куда надо было ехать с самого начала. К Аркашке Орлову, вот куда! Так что надо во что бы то ни стало эту штукенцию на один вечерок где угодно раздобыть, а уж он, Семен Камальбеков, в долгу не останется. Пятьсот долларов забашлять берется. А утром, вот те крест, прибор на место приволочет.

– Тысячу долларов, – сказал как отрезал Аркадий и, нашарив завалявшийся в столе ключ от Верочкиного кабинета, повел арендатора медицинской техники на место сделки.

Яркая луна серебрила крыши отреставрированных особняков старинной постройки. Арбатские собаки то и дело взбрехивали, гоняя шумную молодежь от стены Виктора Цоя. Согнувшись в три погибели под тяжестью монитора и опутав шею проводами с болтающимися на концах датчиками, доктор Орлов в ночи выносил через черный ход поликлиники казенное имущество – бесценный аппарат израильского производства, за который Минздрав отвалил месячный запас валюты, отпущенной на медицину всего Центрального округа.

Арендатор эксклюзивного прибора вальяжной походкой шел за травматологом, поигрывая ключами от машины. Аркаша остановился позади «лексуса» и, изнывая от непосильной тяжести и нехороших предчувствий, добрых пять минут ждал, пока Пуп расчистит место в багажнике. Со всей возможной деликатностью уложив чуткий прибор на ящик водки и обложив монитор сумками с закуской, доктор Орлов утер тыльной стороной ладони пот со

лба и принял из рук благодетеля десять стодолларовых купюр. В неверном свете фонаря пересчитал банкноты и положил в карман белого халата.

Авторитетный человек задумчиво посмотрел на хирурга, что-то припоминая, и, радостно усмехнувшись, проворно вытряхнул Аркадия из халата, приговаривая: «Халатик-то мне тоже понадобится... Какой же я, на хрен, врач без халата...» И не успел потрясенный травматолог даже пикнуть, как находчивый Семен скомкал одежку врача, кинул поверх израильского прибора, хлопнул багажником, запрыгнул в кабину, завел мотор, дал по газам и был таков.

Остаток ночи, хмуро обрабатывая раны и накладывая гипсы страждущим, доктор Орлов размышлял: как Сенька вернет халат – с деньгами или без? Но ни в шесть утра, как договаривались, ни в семь часов, ни в восемь, когда у Аркадия заканчивалось дежурство, уважаемый человек Семен по прозвищу Пуп так и не появился в поликлинике у двери травматологического пункта.

Кое-как сдав смену своему коллеге Юрию Петровичу, Аркаша опрометью кинулся домой. Оставалась последняя надежда, что блатной авторитет, опасаясь засветиться и действуя в целях конспирации, притащил израильский агрегат к доктору домой.

* * *

Сосед Аркадий влетел в квартиру в тот самый момент, когда я, закончив уборку в комнате дяди Вени, обустраивала свое временное пристанище. В личное пользование мне выделили двенадцатиметровую комнатенку, на девять десятых заваленную книгами, старыми газетами и прочим хламом. Прямо-таки берлога книжного червя, а не будуар аспирантки на выданье. Про то, что выданье не за горами, мне рассказала Наташка Перова, изучив с графологической точки зрения мое заявление в кассу взаимопомощи родной академии. Вот я то и дело и осматривалась по сторонам в поисках суженого, опасаясь пропустить судьбу.

Итак, потный и взъерошенный Аркадий ворвался в квартиру и с порога закричал:

– Вениамин Палыч, меня никто не спрашивал?

Дядя Веня проигнорировал вопрос, ибо, насколько я знала, только сейчас, покончив с покраской новой смены легкоатлетов, лег спать. Собиралась прилечь и я. Бессонная ночь наложила на лицо мое мертвенную богемную бледность и декадентские тени вокруг глаз. Сами понимаете, в таком подозрительном виде появляться на работе было более чем рискованно. Фира Самойловна, заведующая библиотекой в нашей академии, дама хоть и душевная, но с фантазиями. Как увидит меня, всю из себя такую загадочную, тут же решит, что я заделалась кокаинисткой. И чтобы пресечь ненужные расспросы, я позвонила в библиотеку, где числюсь на должности библиотекаря, и, зажав нос платком, как слоненок из мультипликационной саги про мартышку, удава и тридцать восемь попугаев, прогундосила:

– Здравствуйте, Фида Самойловна, это я, Саша Абдикосова...

– Ой, Сашенька, – обрадовалась добрая женщина. И тут же испуганным голосом спросила: – Ты что, заболела, что ли? Ковалевский с кафедры социологии сказал, что тебя вчера ночью выгнали из общежития, это правда?

– Правда, – печально протрассировала я в ответ.

– И что же, ты ночевала на улице и простудилась? – продолжала сострадать и изумляться моя начальница.

– Угу, прямо асклеилась вся, – подлила я масла в огонь ее милосердия.

– Бедная девочка! – почти плакала в трубку Фира Самойловна. – Где же ты сейчас находишься?

– У друзей, – подбавив в голос трагизма, всхлипнула я.

– Бедняжка, – прослезилась заведующая. – Если тебе совсем некуда будет пойти, можешь спать у нас в библиотеке, в чуланчике со швабрами, там, знаешь, за книгохранилищем. Мы настелем тебе на пол старых журналов, а за подушку, одеяло и постельное белье можешь не волноваться, я принесу тебе свои. А сейчас лечись изо всех сил, и через три дня я жду тебя, полную сил и энергии, на рабочем месте.

Ну что тут скажешь, не начальница, а золото! Фира Самойловна всегда относилась к нам, рядовым работникам библиотеки, как к родным детям. Накормит в обед принесенными из дома пирожками, чуть у кого какое недомогание – напоит чаем с малиновым вареньем и, если очень надо, непременно отпустит с работы по делам.

Так вот, пообщавшись с начальством и испросив себе увольнительную на три дня, я совсем уже было собралась улечься в постель, когда дверь в мою комнату без стука распахнулась и на середину помещения влетел всклокоченный сосед Аркаша. Он огляделся по сторонам и скрипучим от внутреннего напряжения голосом спросил:

– Меня, говорю, не спрашивал никто? Бычара такой с козлиной мордой не заходил, а?

Я перестала подтыкать ветхую простыню под продавленный матрас и, подняв голову, молча уставилась на незваного гостя. Блеклый и невзрачный, в линялой рубашечке навыпуск, в каких-то дедовских брючатах и с серенькими, стриженными в кружок волосами, он переминался с ноги на ногу рядом с табуреткой и в ожидании ответа то и дело потирал крупный, с горбинкой, нос. Кадык на его худой шее ходил вверх-вниз, как лифт в высотном здании в часы пик, и я, не знаю почему, не могла оторвать от этого его кадыка зачарованных глаз.

– Ты чего, не слышишь, о чем тебя люди спрашивают? Совсем глухая курица? – Кадык прыгнул вверх и в следующую секунду рухнул вниз. – Бычара, говорю, не заходил?

Трудно им, холерикам, жить. Настроение, как игривый конек, скачет то в горку, то под горку.

– Эй, рыбка моя, ты что, в кому впала? – злился, дергая носом, парень. Будто клевал невидимый корм.

Я достала блокнот и стала фиксировать зоологическую терминологию, которой так и сыпал мой собеседник. Как же он забавно ругается! Рыбка моя, глухая курица, бычара с козлиной мордой. Интересно, все холерики используют в бранной речи наименования животных или... И тут меня пронзила потрясающая мысль. Мамочки мои, да я же стою на пороге гениального открытия! Я смело могу рассчитывать на докторскую степень по психолингвистике, работая в этом направлении. Зоохолерик – это круто! Главное, что первый подопытный у меня уже есть. Надо только глаз с него не спускать и записывать за ним каждое его хулительное слово. А потом найду другого холерика, выясню, является ли и он приверженцем упоминания животных в бранном контексте, потом разыщу еще парочку холериков, их тоже исследую, и вот уже готов материал на полноценную докторскую диссертацию.

– Заходил или нет? – рявкнул мне в ухо зоохолерик номер один и так посмотрел, что я тут же пришла в себя, замотала головой и торопливо проговорила:

– Нет, никто не заходил, ни бычара, ни козлина, ни винторогий муфлон.

– Что ты все время идиоткой-то прикидываешься! – взвыл сосед. – Я с тобой как с адекватным человеком разговариваю, а ты под слабоумную косишь.

Я, конечно, могла бы обидеться на «слабоумную», но не стала. Ведь все же знают, что великих ученых и исследователей во все времена считали немного не от мира сего, подвергали гонениям и обструкции. Испытывая сильнейшее возбуждение от открывающихся передо мной возможностей, я сразу же передумала стелить постель, кинулась вслед за Аркашей и, выставив перед собой блокнот и вооружившись ручкой, приготовилась конспектировать ругань за своим первым подопытным.

Но изучаемый объект не понял моих благих намерений, велел убираться подобру-поздорову в свою комнату, уселся в коридоре на шаткий стул и, то и дело сверяясь с какой-то

бумажкой, принялся с периодичностью в несколько секунд набирать один и тот же номер. Набирал, слушал длинные гудки, ругая какого-то Сеньку Пупа скотиной безрогой, бычарой и тупым животным, нажимал, не дождавшись ответа, на рычажок отбоя и снова крутил телефонный диск. Наконец, громко сожалея, что не может прямо отсюда добраться до этого самого Сеньки, бросил трубку на рычаг и поднялся со стула, собираясь куда-то идти.

– Аркаш! – решительно сказала я, выглядывая из своей комнаты и в душе лелея надежду увязаться за хирургом-травматологом и пополнить свой блокнот бесценными записями. – Аркаш, сдается мне, что может понадобиться моя помощь.

– Только тебя еще там не хватало, – пробурчал, уже стоя в дверях, первый в мире зоохолерик. Но, немного подумав, он вдруг сказал: – Хотя знаешь, может быть, это и неплохая идея. Пошли, свидетелем будешь. Чтобы Пуп, собака такая, отвертеться не смог. Если что, подтвердишь, что слышала наш с ним уговор. Дескать, сидела в перевязочной, ждала осмотра, и потому ни одно сказанное им слово не пролетело мимо твоих ушей.

Ужасно опасаясь, что он передумает, я кинулась в комнату и стала торопливо рыться в косметичке. Не могу же я выйти на улицу так, с голым лицом. Надо хоть глазки чуть-чуть подвести. Тем более что этот Аркадий очень даже ничего. Врачи мне всегда после психологов нравились. Есть в них нечто загадочное и порочное, как будто они отчасти постигли тайну бытия, но ни с кем не хотят ею поделиться. А вдруг он и есть тот самый мой парень, которого имела в виду Наташка Перова? Только я открыла косметичку, намереваясь придать бледному своему лицу свежий и по возможности привлекательный вид, как тут же раздался нетерпеливый рык:

– Ну, птичка моя, скоро ты там?

От неожиданности я выронила прозрачную сумочку из рук, и косметика раскатилась по всей комнате. Баночки с румянами, тюбики с крем-пудрой, тушь, помада, карандашики – все разлетелось в разные стороны, не оставив мне даже малюсенькой надежды навести внешний лоск. И тогда я, чтобы хоть как-то украсить свою ненакрашенную внешность, придумала соорудить на голове слабое подобие прически. Подняла с пола и приколола к челке красивую золотистую заколку, между прочим, родную Шанель, которая единственная из всего косметического добра не завалилась куда-нибудь под кровать либо под шкаф, а лежала на видном месте рядом с ножкой стола.

Кинула в зеркало критический взгляд, осталась вполне довольна волшебной метаморфозой, случившейся со мной после наведения прически, и в таком преображенном виде выплыла в коридор. Но разительные перемены в моей внешности, на которые я делала ставку, остались Аркадием незамеченными.

– Что ты там возишься, как мышка-норушка?! – приплясывая от нетерпения, пробурчал он, хватая меня за руку, вытаскивая из квартиры и волоча за собой, как Винни Пух – воздушный шарик.

За мной пушечным выстрелом захлопнулась дверь, мы вприпрыжку скатились с трех ступенек лестницы и выбежали из парадного.

– Пусти, дурак, больно же! – верещала я, вырываясь и ни капли не жалея о затеянной авантюре.

– Ты что, совсем, что ли, ничего не понимаешь? – семимильными шагами меряя асфальт, на бегу пыхтел доктор Орлов. – Сейчас Пономарев придет, и тогда мне настанет кирдык.

И на полном ходу, рискуя заработать растяжение плечевого сустава, я узнала от соседа Аркадия, что он не только зоохолерик, но и законченный идиот. Ведь только полный кретин мог отдать дорогущий прибор, замечу, не свой, а принадлежащий поликлинике, невесть кому в обмен на честное слово и тысячу долларов, которую в конце концов тоже отобрали. И вот теперь доктор Орлов питал слабую надежду вернуть казенное оборудование до прихода на

работу главврача Пономарева. На мой взгляд, затея просто безумная, особенно если учесть уголовную личность арендатора медицинской техники.

– А вдруг этот Пуп тебе скажет: «Отвали, придурок, не брал я у тебя никакого прибора»? – предвидя реакцию и заранее доставая блокнот, поинтересовалась я.

И, получив тот ответ, который ожидала, прямо на бегу существенно пополнила свои записи.

* * *

Несмотря на ранний час, районное отделение милиции Центрального округа города Москвы жило своей обычной жизнью. Служивые из ППС, объезжая район, доставили в дежурную часть трех задержанных. Коротко стриженные ребятишки в черных рубашках и в заправленных в высокие ботинки на шнурках камуфляжных штанах мнили себя борцами за чистоту родной столицы. Скинхеды Алекс Рекс, Макс Ротор и Отмороженный На Всю Голову Джек Дизель, как они себя именовали, были частыми гостями в РОВД. Свой гражданский долг парни видели в том, чтобы восстанавливать справедливость и экспроприировать у лиц сомнительных, на их взгляд, национальностей неправедно нажитые материальные ценности.

На этот раз ребятишки отличились уже с утра пораньше, вломившись на овощной рыночек у метро, где нелюбимые ими смуглые торговцы разгружали свой товар. Рекс, Ротор и Отмороженный Джек Дизель отобрали у азербайджанца Карима Киримова ящик малины, после чего уничтожили его путем поедания. Помимо задержанных, доставленных принудительно, в отделение ворвался и сам потерпевший Киримов. Он заламывал руки, ругался на родном языке и, призывая в свидетели Аллаха, требовал возмещения убытка в размере трех тысяч рублей.

На шум сбежалось все отделение милиции. Сотрудники правоохранительных органов, поначалу придерживавшиеся нейтралитета, постепенно начали сочувствовать задержанным. В отличие от потерпевшего те по крайней мере вели себя тихо и не скандалили.

– Че-то я не пойму, чего он там голосит... – раздраженно заметил младший лейтенант Нетреба, многообещающе поглядывая на торговца и как бы между прочим поигрывая резиновой дубинкой.

Он был в отделении самый молодой и потому невыдержанный.

– Командир, дай я ему по щам насую, – прижимаясь небритой физиономией к прутьям обезьянника, взмолился Отмороженный Дизель. – Он, в натуре, ваще рамсы попутал! – кровожадно скалясь, добавил он, возбуждаясь от завываний Киримова, как шакал от вида крови.

– Отставить разговорчики! – поморщился дежурный по отделению капитан Рыбников, заполняя протокол допроса потерпевшего. – Какая была малина? – сурово уточнил он. – Накладная на эту малину у тебя, Киримов, имеется?

– Какая, слюшай, накладная? Нет никакой накладной, – обиделся потерпевший.

– Значит, и малины никакой не было, – откидываясь на спинку стула, решил капитан. – А раз не было малины, то нет и повода для возбуждения уголовного дела, – подвел он итог беседе и взял в руки заявление потерпевшего, собираясь скомкать бумагу и отправить в мусорную корзину.

Потрясенный таким поворотом событий, торговец от волнения покрылся испариной и, сжимая рубашку на груди, там, где находится сердце, жалобно запричитал:

– Э-э, слюшай, это беззаконие! Бил товар, у кого хочешь спроси, хочешь, у Гиви с солений, хочешь, у Анзора с приправ... Нэт у тебя такого права, начальник, на заявления граждан не реагировать!

Капитан Рыбников удивленно вскинул кустистые брови, почесал внушительный подбородок и, мигнув Нетребе, который со своей стороны так и рвался в бой, строго сказал:

– Лейтенант, мне показалось или клиент чем-то недоволен?

Невыдержанный лейтенант Нетреба, самый молодой в отделении, радостно заулыбался и охотно подтвердил, предчувствуя веселую забаву, что да, клиент явно чем-то недоволен.

– А может быть, он просто безобразничает? – сомневался сержант.

– Именно! Именно безобразничает! – горячо соглашался с ним младший лейтенант Нетреба.

– Тогда оформим как хулиганку и закроем на трое суток, – вынес соломоново решение дежурный.

Младший лейтенант проворно подбежал к потерпевшему и обрушил ему на плечи всю мощь вверенного ему резинового оружия, в народе именуемого демократизатором. Перетянув Карима Киримова по хребту, Нетреба ухватил бедолагу за шкирку, хорошенько встряхнул и принялся теснить в сторону обезьянника, где изнывали от скуки три русофила.

От такого подарка местные скины пришли в неописуемый восторг, который и выразили наглядно, исполнив полный страсти боевой танец охотников за черепами. Беснуясь, они запрыгивали на скамейку, трещали по прутьям расческами и тянули к несчастному азербайджанцу алчные лапы. Плачущий Карим Киримов уже и сам был не рад, что настаивал на возмещении такого ничтожного ущерба, как ящик малины. Теперь он готов был отдать всю партию товара, лишь бы выбраться из этого страшного места. И в самый последний момент, когда, казалось, камера предварительного заключения, где его так ждали, была неминуема, хлопнула входная дверь, по коридору прошуршали шаги и юный голос негромко произнес:

– Дежурный, потрудитесь объяснить, что здесь происходит?

Капитан Рыбников от подобной дерзости даже оторопел. От былого его добродушия не осталось и следа. Сурово сдвинув брови в центр лба, туда, где козырек фуражки встречался с переносицей, он выпростал из-за стола грузное тело и неторопливо направился к кудрявому розовощекому юноше со старомодным портфелем в руках. Юноша стоял перед загончиком дежурного и, самоуверенно выпятив грудь под узким пиджачком, из которого вырос еще в школе, таращил на капитана наивные серые глаза.

Угрожающе отдуваясь и топорща черные как смоль усы, дежурный надвигался на зарвавшегося нахала, намереваясь показать невеже, где раки зимуют. Упершись пузом в его наглаженную рубашку под куцым пиджаком, капитан прищурил водянистые глаза и вызывающе спросил:

– А ты откуда такой взялся, чтобы я тебе отчет давал?

Кудрявый юноша не подал виду, что напуган, однако румянец на его лице стал еще ярче, пополз со щек на шею и скрылся где-то под воротом голубой, в полосочку, застиранной рубашки. Юноша вскинул расчесанную на прямой пробор голову и с напором сказал:

– Я следователь Козелок из Бугульмы.

Бравые ребята, защитники чистоты родной столицы, дружно заржали, подхватив гомерический смех ошивавшихся в дежурке милиционеров. Азербайджанский торговец и тот тихонько хихикнул сквозь слезы.

– Кто-кто? – изумился дежурный. – Какой еще козелок из Бугульмы? Ты что, мужик, издеваешься?

Вот теперь розовощекий юноша вышел из себя. Он покрылся пятнами и, кинув полный презрения взгляд на дежурного, сердито пропыхтел:

– Я вот напишу на вас рапорт в прокуратуру, тогда узнаете, издеваюсь я или нет.

И, подхватив портфель под мышку, припустил по коридору, в конце которого, свернув на лестницу, устремился на второй этаж.

– Э, мужик, ты куда? – всполошился капитан.

Из дежурки показался сержант Мешков и, лениво отрывая зубами кусок черствой булки и запивая его кефиром, миролюбиво произнес:

– Да ты, Серега, не гоношись. Это следак наш новый. Козелок Федор Антонович. Салага неученая. Опера, так же как и ты, сперва не поняли, что это за козелок из Бугульмы. Когда он представлялся, так прямо и сказал – я, говорит, козелок из Бугульмы. А теперь ничего, ребята привыкли и не так уже ржут, когда его фамилию слышат.

– А-а, ну тогда ладно... – немного оттаял капитан Рыбников. И тут он заметил ссутулившегося, чтобы стать как можно незаметнее, Карима Киримова. Исполнительный младший лейтенант держал потерпевшего за заломленную руку и вопросительно посматривал на дежурного по отделению.

– А этот что, до сих пор еще здесь? – осерчал капитан. – Гони его в шею от греха! А то ишь, защитнички законности кругом, того и гляди, рапорт наваляют. И этих черносотенцев минут через десять отпусти, а то уже прямо и не знаешь, как себя с задержанными вести, чтобы, не приведи Бог, кого не обидеть.

И не успела за азербайджанцем захлопнуться дверь, как тут же раздался телефонный звонок. Дежурный нехотя вернулся на свое рабочее место и взял трубку.

– Дежурный по отделению капитан Рыбников слушает... – невнятно сказал он. И уже четче добавил: – Да, диктуйте, записываю. Труп в квартире. Пишу адрес. Бригада выезжает.

И, не скрывая злорадства, стал набирать номер оперативного отдела.

– Юрик? В Большом Власьевском переулке труп. Давайте-ка на выезд. И этого, козелка из Бугульмы, с собой прихватите. – И в усы себе пробурчал: – Пусть лучше занимается своими прямыми обязанностями, а не командует дежурными по отделению.

*** * ***

Господин Семен Камальбеков, более известный в определенных кругах как Сенька Пуп, проживал в старом шестиэтажном доме дореволюционной постройки в Большом Власьевском переулке. Вот по этому-то соседнему с нашей улицей переулку мы и бежали, вздымая клубы пыли, как стадо бизонов. Я вскользь отметила про себя, что, даже недолго пообщавшись с соседом Аркадием, уже начала мыслить звероподобными образами и даже хотела спросить, откуда у него такая любовь к фауне, но тут наш стремительный бег закончился перед дверями парадного подъезда старинной шестиэтажки.

Оглядевшись по сторонам, доктор Орлов гневно сверкнул очами на здоровенную черную машину, вроде бы «лексус», я не разобрала, и сквозь зубы процедил: «Ведь дома, гнида такая, только к телефону не подходит...» Я занесла в записную книжицу «гниду» и приготовилась к продолжению цветистой тирады. Но, как то ни странно, продолжения не последовало. Притихший на нервной почве доктор подергал запертую дверь парадного и без особой надежды на успех потыкал указательным пальцем в кнопки домофона. Дожидаясь ответа, долго вглядывался через узорное стекло в туманный сумрак подъезда. Наконец повернулся ко мне и, кивнув куда-то в сторону, решительно скомандовал:

– Айда через черный ход!

И я, выдувая пузыри, которые с задорным шумом лопались, вприпрыжку последовала за доктором Орловым во внутренний двор. Мне по большому счету без разницы, куда идти за подопытным зоохолериком, главное, чтобы он там позабористее выражался. По-видимому, Аркадий как раз и собирался целиком и полностью отдаться этому занятию. Не оборачиваясь на досадную помеху, которая семенила за ним по пятам и хлопала жвачкой, он, прыгая через ступеньку, поднялся по черной лестнице на последний, шестой, этаж и громко постучал в филенчатую дверь, сохранившуюся, по-видимому, еще со времен постройки дома. Повину-

ясь силе инерции, створка двери подалась внутрь. Сквозь приоткрывшуюся щелку пробивался слабый свет. Доктор постучал еще раз и решительно распахнул незапертую дверь.

– Эй, есть тут кто-нибудь? – громыхая ботинками по наборному паркету и держа курс в сторону гостиной, кричал на бегу разъяренный хирург.

Вдруг он на полном ходу остановился в дверях комнаты, на секунду застыл, издал протяжный стон и в то же мгновение стремглав сорвался с места, кинувшись в глубь помещения. Я привстала на цыпочки и вытянула шею, чтобы лучше видеть, что там, в глубине, происходит. И увидела. В самом центре просторной комнаты, широко раскинув руки, лежал труп крупного брюнетистого мужчины в огненно-красной рубашке и голубых джинсах. Красивое сочетание, мне оно очень нравится. Половинка белого халата, разодранного по шву, половой тряпкой распласталась на лакированном полу между мертвым телом и прямоугольным журнальным столиком, окаймленным кованым железом.

От головы брюнета под диван уходила кровавая лужица, а через всю щеку тянулась большая кровавая царапина. Но не к мужчине в красной рубахе бросился, стеная и причитая, доктор Орлов. Хирург-травматолог устремился к странному агрегату с дисплеем и усеянной рычажками приборной доской, что валялся, опрокинутый, неподалеку от покойника. Рухнув на колени перед аппаратом, Аркадий, не переставая охать и ахать, стал настойчиво исследовать прибор со всех сторон, что-то высматривая и прощупывая сбоку и сзади, при этом приговаривая: «Провода-то, провода с датчиками куда, козлина, девал?» По-видимому, так и не найдя то, что искал, он окончательно сник. Посмотрел на меня, перевел взгляд на покойника и с горечью сказал:

– Кончай жвачкой хлопать, достала уже! С корнем проводочки-то вырвал, хрен моржовый!

Замахнулся локтем на ни в чем не повинное кресло в ногах покойника, тихо выругался и, подхватив с пола обрывки халата, стал сноровисто заворачивать в белую тряпку поврежденный прибор. Кряхтя и приседая от натуги, поднял объемистый сверток и потащил его обратно к черному ходу.

А я решила задержаться на секундочку и посмотреть, как они, покойники, выглядят вблизи. Ни разу в жизни трупа не видела. Оказалось, что вблизи покойники выглядят так же, как и издалека. Люди как люди. Только мертвые. Глаза у них стеклянные и смотрят в потолок, а рот открыт, и оттуда выглядывает язык. Окончательно осмелев, я подошла поближе, склонилась над телом и, упершись одной рукой в коленку, второй рукой дотронулась до сизого от щетины подбородка. И тут же отпрыгнула в сторону. Челюсть мертвого Семена отвалилась вниз, обнажив страшные редкие зубы. В этот миг мне показалось, что покойный бугай в красной рубахе хочет вцепиться мне в руку, и я, дико взвизгнув, кинулась из комнаты прочь.

Заколка, что все это время болталась у меня на челке на честном слове, естественно, сразу же сорвалась с моих густых, но коротких волос и с оглушительным стуком шлепнулась на паркет, скользнула по нему и отлетела под диван. Я, конечно, могла бы наплевать на украшение и продолжать спасаться бегством, но, во-первых, эта заколка – единственная приличная вещь, имеющаяся у меня в гардеробе, а во-вторых – это подарок Люськи. А с Люськиными подарками, это уж я знаю совершенно точно, шутки плохи. Бывало, сядет моя Криворучко, откинется в кресле, эдак оценивающе, с творческим прищуром, как учили на курсах дикторов, посмотрит на меня и голосом стилиста Зверева скажет: «А ну-ка, Абрикосова, надень-ка мою заколку от Шанель, ну ту, помнишь, которую я тебе в прошлом году из Турина привезла? Она очень подойдет к этим твоим красным гриндерсам». И попробуй я только не надень. Тут же обида на всю жизнь. «Ах так? Ах вот ты как? Я, значит, тебе подарки дарю, а ты, выходит, ими манкируешь?» Тут же надуется и не будет разговаривать целую неделю.

Так что, сами понимаете, этой заколочкой я очень дорожу. Потому и нырнула за ней под диван, да, замерев в неудобной позе, так там и осталась. В замке загремел ключ, стукнула о стену торопливо распахнутая входная дверь, и уверенный женский голос произнес:

– Сюда, пожалуйста, товарищи милиционеры. Осторожно, здесь приступочка, порожек, не упадите... Труп вон там, в комнате, давайте я вас провожу.

* * *

Кем я только не хотела быть в раннем детстве! Кажется, нет на земле профессии, которую я бы не примеряла на себя. Геологом быть хотела, фокусницей хотела, даже стюардессой мечтала стать. А одно время всерьез подумывала работать стоматологом. Это страстное желание поселилось в моей душе после посещения одного детского врача, на которого никак не могли нарадоваться все мамы, папы, бабушки и дедушки, приводившие своих чад в районную поликлинику, чтобы поставить пломбу или вытащить заболевший молочный зуб. Как сейчас помню, на первом этаже амбулатории принимали три доктора. Из первых двух кабинетов раздавались истошные крики и плач, а в третьем кабинете отчего-то стояла благостная тишина. Детишки выходили оттуда задумчивые и тихие и, ухватив маму за ручку, торопились покинуть гостеприимные стены лечебного учреждения.

И хотя очередь туда и была самая длинная, сели рядом с тихим кабинетом и мы. Когда пришел наш черед, мама посмотрела на меня лучистым взглядом и бодрым голосом сказала: «Иди, Сашка, и ничего не бойся. Видишь, какой там врач хороший работает, он никому не делает больно!» О том, какой хороший врач сидит за закрытой дверью и поджидает следующего пациента, я узнала буквально через минуту. Лишь только я успела устроиться в кресле и откинуться на высокую спинку, как надо мной склонился громадный небритый людоед из сказок братьев Гримм. Он сверкнул недобрым глазом и зловещим пиратским шепотом, хриплым от выпитого рома, сказал, потрясая у меня перед носом здоровенными щипцами, которыми, должно быть, в случае надобности можно было бы выдернуть рессору из трактора «Беларусь»: «Пикнешь – в морду дам и все зубы одним махом этой штукенцией выдеру!» Ну скажите, кто бы после этих его слов отважился издать хоть какой-нибудь звук? И, беззвучно содрогаясь под сверлом бормашины, я отчетливо поняла, что больше всего на свете хочу быть зубным врачом, чтобы вот так вот безнаказанно кому угодно грозиться дать в морду и размахивать перед носом у оробевших людей страшным орудием пыток из арсенала великанов-инквизиторов.

Но мечты мои рухнули, когда к двенадцати годам я трезво оценила свои физические возможности и поняла, что при всем своем желании и усиленном питании по габаритам недотягиваю до людоеда из поликлиники. Я тут же оставила эту затею и переключилась на мечты о профессии милиционера. К чему я это все рассказываю? А к тому, что милиционером я мечтала стать аж с пятого по восьмой класс. Сидя в туалете и не решаясь пойти на урок с исцарапанными руками и синяком на скуле, я представляла себе, как проезжаю в шикарном милицейском «уазике» мимо подъезда своего обидчика Ромки Парамонова. Проезжаю я это, значит, мимо его подъезда и вижу – сидит на лавочке Парамонов с дружками, которые тоже не упускали случая отметелить меня на переменах, и пьет пиво. Ну, тут я их всех, красавцев, одним махом и заметаю за нарушение общественного порядка и распитие в неположенном месте. Ну а потом, в девятом классе, когда Парамонова отчислили из школы за безобразное поведение, у меня как-то сама собой отпала необходимость, а с ней и желание посвящать свою жизнь профессии милиционера.

И вот теперь я, наблюдая из-под дивана за действиями опергруппы, с новой силой испытала тягу к правоохранительной деятельности. Могла ли я предположить, забираясь

под диван за заколкой, что на моих глазах будут проводиться самые настоящие следственные действия?

А следственная бригада между тем приступила к своим прямым обязанностям. Засверкали вспышки фотоаппарата, замельтешили по комнате различные модели мужской обуви, и в непосредственной близости от моего лица протопали мимо дивана ноги в черных фасонистых мужских туфлях. Новеньких, еще не разношенных и, судя по всему, сильно натирающих ноги своему хозяину. При желании я могла бы протянуть руку и дернуть за черный гладенький шнурок. Туфли остановились перед трупом, и приглушенный мужской голос, какой обычно бывает, когда человек говорит, согнувшись пополам, произнес:

– Ушибленная рана головы, удар пришелся на висок. Так, посмотрим дальше.

Исследуемое тело хозяина квартиры перевернули на бок, затем на спину, и вскоре оно снова заняло первоначальное положение – хозяин раскинулся на спине.

– Никакого криминала я здесь не вижу, – с натугой произнес владелец шикарной обуви. – Все и так ясно. Сердчишко прихватило, потерял сознание, а когда падал, головушкой о край стола и тюкнулся. Нечего тут делать, надо оформлять как несчастный случай да и разъезжаться.

Богатые туфли потоптались на одном месте и, упершись один в другой, чуть освободили левую пятку. Послышался облегченный вздох. Затем таким же способом на волю выбралась и правая пятка. Блаженный стон, похожий на всхлип, пришел на смену вздоху. К новым туфлям быстрым шагом приблизились старенькие, неоднократно чиненные, но тщательно намазанные гуталином и надраенные до зеркального блеска ботинки. И юный голос неуверенно произнес:

– А по-моему, налицо убийство. Вы только посмотрите, какой беспорядок в комнате, царапина на лице трупа, да и свидетельница вот говорит, что пропали вещи покойного.

– М-да? – с сомнением протянул обладатель дорогой обувки. И фальцетом добавил: – И что же, позвольте полюбопытствовать, пропало?

Откуда-то издалека донесся раскатистый женский голос:

– Так шкура звериная на полу была, а сейчас ее нету. Стало быть, украли.

– И что, хорошая была шкура? – заинтересовался фальцет.

– Да какой там хорошая, на помойках краше валяются, – последовал презрительный ответ. – Свалявшаяся вся и вытертая. Эта шкура Ахмеду Мансуровичу была дорога, как память о его выступлениях. Он говорил, что она леопардовая. А когда отца не стало, Сенька просто-напросто поленился это старье выкинуть.

– Ну что, Федор Антонович, будем возбуждать уголовное дело по факту убийства гражданина Семена Камальбекова с целью завладения принадлежащей отцу покойного старой шкурой, предположительно леопардовой? – фамильярно посмеиваясь, поинтересовались новые туфли. – Я думаю, что даже вам, господин Козелок, ясно, что нам тут делать нечего. Сами напишете отказ от возбуждения уголовного дела, или вам помочь?

– Геннадий Викторович, одну минуточку! А что это за следы на обоях? – не сдавался робкий Федор Антонович.

– Вот ведь пристал! – буркнул в сторону тот, кого неуступчивый юный голос назвал Геннадием Викторовичем. – Да я-то откуда знаю, что это такое? Может, картинки какие висели, а может, еще чего.

Но обладатель старых ботинок уже не слушал его. Он устремился к двери и оттуда прокричал:

– Зоя Игнатьевна, где вы там? Можно вас на минутку?

– Да тут я, на кухне, капельки успокоительные пью... – последовал кокетливый басовитый ответ.

– На стенах в гостиной были какие-то фотографии? – не обратил внимания на игривый тон собеседницы дотошный следователь Козелок.

В комнате повисла продолжительная тишина, а затем зычный женский голос неохотно подтвердил, что да, были. Целых пять фотографий висели на стене рядом с камином, а теперь, как видите, не висят. Значит, их тоже украли.

– Ну-у, это существенно меняет дело! – продолжал глумиться Геннадий Викторович в новых туфлях, направляясь к выходу. – Помимо древней шкуры леопарда, пропали аж целых пять фотографий! Налицо корыстный мотив. Ладно, Эркюль вы наш Пуаро. Хочется поиграть в расследование убийства – флаг вам в руки. Но помните, что тут вам не Бугульма. В Москве есть своя специфика. И упертым дурнем на все управление прослыть легче легкого. Поступайте как хотите. Хотите – отправляйте тело к патологоанатомам, хотя лично я бы отправил его сразу в морг. И мой вам добрый совет – до заключения патологоанатома не горячитесь с возбуждением уголовного дела. Открыть-то его легко, а вот закрыть его будет не так просто. А чтобы вам стало понятней, о чем я говорю, побеседуйте лучше с участковым майором Свиридовым. Ярослав Сергеевич осветит вам наиболее знаменательные вехи славного жизненного пути покойного Семена Ахмедовича Камальбекова.

Стоптанные ботинки пришли в движение, описали вокруг трупа полный круг, и все тот же юный голос негромко произнес:

– Спасибо за совет, Геннадий Викторович. Не премину им воспользоваться. Я в любом случае считаю, что закон есть закон и спускать на тормозах преступление – это нарушение служебного долга.

– Боже мой, какой местечковый пафос! – прошептал истомленный беседой и тесной обувью владелец новых ботинок и, хлопнув дверью, покинул квартиру.

Когда основная часть следственной бригады, увозя с собой тело покойного Камальбекова, отбыла восвояси, старые растоптанные баретки медленно приблизились вплотную к дивану, под которым, боясь лишний раз шевельнуться, затаилась я, и хозяин их с обреченным вздохом рухнул на поверхность моего убежища. И если бы я не была стройна, как лань, то в душной поддиванной пыли остался бы лишь только мокрый отпечаток, бывший некогда Александрой Абрикосовой.

Вообще-то нельзя сказать, что я тщательно соблюдаю диеты и, изводя себя фитнесом и утренними пробежками, пристально слежу за своим весом. Это от природы мне досталась изящная фигура и осиная талия. Правда, рост немного подкачал. Эх, мне бы десяток-другой сантиметров – и была бы я самая настоящая супермодель. У меня, чтобы вы были в курсе, ноги тонкие, как руки, а это особо ценится в модельном бизнесе. Как же, знаем, рекламу по телику каждый день смотрим. Мне, например, иногда даже кажется, что в некоторых ракурсах – левым боком и голову чуть вниз – я очень похожа на музу Кельвина Кляйна, американскую супермодель Кейт Мосс.

А вот Люська считает, что у меня внутри просто-напросто живет солитер, который и решает мои проблемы с лишним весом. Ну, это она, понятное дело, от зависти наговаривает. Сама-то она толстуха аж сорок шестого размера, так что ей постоянно приходится считать калории и отказывать себе в самом любимом и вкусненьком. А я вот могу сколько угодно объедаться «Сникерсами» и «Твиксами», и ничего мне не будет. Так-то!

Пока я радовалась своей замечательной комплекции, которая имеет одни только плюсы (если не считать досадных недоразумений, когда в метро, не замечая, кладут мне самым нахальным образом на голову книги и чуть реже ставят сумки)... так вот, пока я радовалась своей неотразимой, почти идеальной, внешности, к дивану подошли ноги в форменных милицейских ботинках и на диван, а значит, и на меня, сверху плюхнулся еще один товарищ, и бодрый мужской голос с прокуренной хрипотцой сообщил:

– Там, на кухне, соседка покойного Камальбекова дожидается. Золотарева Зоя Игнатьевна. Та, что тело обнаружила. Надо бы, значит, с ней побеседовать поподробнее.

– И как же она тело обнаружила? – вялым голосом поинтересовался следователь в растоптанных ботинках, чуть отодвигаясь от решительно настроенных милицейских бот. – Вам, Ярослав Сергеевич, как участковому это должно быть известно.

Похоже, следователь с потешной фамилией Козелок уже и сам был не рад, что заварил всю эту кашу. Как было бы просто отправить труп Семена Камальбекова в морг да и лететь себе вольным соколом в родное отделение. Но отступить сейчас, когда уже проявил упорство и принципиальность, означало бы опозориться перед сослуживцами на всю оставшуюся жизнь. Владелец поношенной обуви это отлично понимал и изо всех сил делал вид, что все в порядке и он только и мечтал о том, чтобы остаться на месте происшествия в компании с участковым милиционером и соседкой потерпевшего.

– Как обнаружила? Да как обычно, – охотно пояснил майор. – Пришла утром завтрак готовить и обнаружила. – И солидно добавил: – Эта Золотарева, хоть и старшая по подъезду и муж у нее был полковником, уже много лет помогает по хозяйству семье Камальбековых. Наш покойник дружил с сыном Зои Игнатьевны Валериком, вот она и оказывала соседям посильную помощь. Не за так, конечно, а за умеренное вознаграждение.

– Ладно, майор, зовите свою Золотареву, – полным безысходности голосом выдохнул следователь и, подпрыгнув, поглубже уселся на диване, отчего мой позвоночник крепко прижало сверху какой-то пружиной. Но я мужественно промолчала, понимая всю опасность возможного разоблачения.

Милицейские боты вразвалочку прошли по паркету к входной двери и вернулись в сопровождении добротных женских туфель на невысоком, устойчивом каблуке. Огромный их размер и похожие на ножку гриба-боровика щиколотки указывали на внушительные габариты самой обладательницы практичных «саламандр». Мерной поступью гренадера полковница шла к дивану. Мамочки мои, если и она сейчас рухнет рядом со следователем, от меня и впрямь останутся рожки да ножки. Я зажмурилась изо всех сил и приготовилась к бесславной кончине. Уже мысленно представляла, как навис над кожаным сиденьем дивана ее необъятный зад, но буквально за секунду до того, как, по моим расчетам, мадам должна была опуститься прямо мне на голову, раздался печальный юный голос:

– На стульчик присаживайтесь, пожалуйста.

– Я лучше тут вот сяду, на диванчике, – принялась капризничать дама.

Но следователь из Бугульмы обладал, как видно, врожденным духом противоречия.

– Я сказал, на стул – значит, на стул! – рявкнул он так, что рюмки в барной стойке мелодично звякнули.

– Ишь, разорался! – огрызнулась тетка, нервно стуча каблуком по паркету. И совсем тихо, так, чтобы не слышал бугульминский следак, добавила: – Я управу-то на тебя живо найду... Сейчас не тридцать седьмой год, людей на испуг брать.

А тот, на кого грозились найти управу, не чуя нависшей над ним беды, унылым голосом затянул:

– Ну, гражданка Золотарева, расскажите, как вы нашли тело погибшего Семена Камальбекова.

Гренадерские ноги поелозили перед столом, выбирая удобное положение, пристроились крест-накрест одна поверх другой, и тетка слегка растерянно сказала:

– Как нашла? Обыкновенно. Открыла в восемь часов дверь квартиры и нашла. Да тут и искать было нечего. Он, голубчик, посреди комнаты так и лежал. – Она замолчала и, выдержав паузу, обличительно заметила: – Да вы же его сами видели. Или, я извиняюсь, на враках меня поймать хотите? Простите, как ваша фамилия?

Стоптанный правый ботинок следователя задумчиво почесал щиколотку левой ноги, а сердитый хрипловатый голос, который, как я уже знала, принадлежал участковому, ног которого в этот момент из моего укрытия не было видно, строго распорядился:

– Ты, Зоя Игнатьевна, не финти. Говори все как есть. Следователь понапрасну спрашивать не станет. Козелок его фамилия, но это дела не меняет.

И, напуганная серьезным тоном начальства, полковница торопливо принялась рассказывать. Она, Зоя Игнатьевна Золотарева, очень хорошо относилась к семье соседей по лестничной клетке еще с тех времен, когда имя танцора Ахмеда Камальбекова гремело на весь Советский Союз. Вы, наверное, помните, Ахмед Мансурович собирал танцы народов мира и виртуозно исполнял их, нарядившись в костюмы соответствующих национальностей на самых знаменитых сценах и даже, как сейчас говорят, на корпоративах. Так вот. Зоя Игнатьевна очень любила творчество маэстро, и поэтому, когда после развода с полковником Золотаревым и раздела квартиры на Кутузовском выяснилось, что теперь ее соседом будет сам Ахмед Мансурович, она прослезилась от счастья.

А вскоре мальчики – ее Валерик и Сема Камальбеков – стали лучшими друзьями. А Ахмед-то Мансурович все годы после смерти Лейлы, матери Сенечки, жил бобылем. Вы, наверное, помните, все газеты тогда писали – машина ее сбила. Ужас, да и только. Вот известный танцор и жил вместе с сыном. Да и то сказать жил – дома он совсем и не появлялся. Сеня вечно слонялся на улице, и Зоя Игнатьевна, несмотря на то что уже тогда была старшая по подъезду, кормила и обстирывала соседского ребенка.

А однажды Ахмед Мансурович ей сам предложил за деньги прибираться в их квартире и готовить для Сени еду. Кто ж от денег-то откажется? Вот и Зоя Игнатьевна не стала отказываться, а охотно приняла предложение. А пять лет назад Валерик на рыбалке утонул. И не стало у Зои Игнатьевны больше опоры в жизни. Оставалась одна надежда – на Сенечку. А теперь вот и его не стало. Бедный мальчик! И правая слоноподобная нога после этой фразы выбила легкую победную дробь.

* * *

– Да, конечно, свой ключ от квартиры Камальбековых у меня был, – отвечая на вопрос Федора Антоновича, поспешно откликнулась старшая по подъезду, унимая неуместную радость в голосе.

Следователь Козелок выслушал ответ и тусклым голосом поинтересовался:

– Тогда, может быть, вы посмотрите вокруг и скажете, не пропало ли, кроме шкуры и фотографий, еще чего из квартиры?

В комнате повисла зыбкая тишина, лишь женский неразборчивый шепот, проверяя, все ли цело, перечислял различные предметы, имевшиеся в наличии. Вдруг стул под полковницей с шумом отъехал в сторону, и зычный голос растерянно произнес:

– Погодите, а ящик-то где? Я же отлично помню, что рядом с трупом Сенечки лежал на боку какой-то серебристый ящик с экранчиком. Такой, знаете ли, научный прибор, каким экстрасенсы ауры замеряют. Вы его, случайно, не забирали?

– Не видели мы никакого научного ящика, – сварливо проговорил участковый Свиридов. – Ты, Зоя Игнатьевна, поменьше бы по колдунам да бабкам ходила, глядишь, и серебристые ящики не мерещились.

– А ты, Ярослав Сергеевич, в мою личную жизнь не суйся, – обиделась на участкового старшая по подъезду. – Раз хожу, значит, надо мне...

– А может, вчера заходил к нему кто? – безнадежно допытывался Федор Антонович, уводя разговор в сторону от неприятной для дамы темы.

– Может, и заходил, я не видела, – сухо ответила свидетельница, как видно, все еще дуясь на участкового Свиридова за его неуместное замечание.

– Хорошо, гражданка Золотарева, – тяжело вздохнул следователь Козелок. – Сдайте, пожалуйста, мне ключи от квартиры Камальбековых и можете быть свободны. Если понадобитесь, вас вызовут в РОВД.

Мне было очень забавно лежать под кроватью и представлять, какой он из себя, этот Федор Антонович? Судя по голосу, невысокий и коренастенький, с курносым круглым носом и упрямыми серыми глазами. Типичный такой сангвиник. Но не успела я достроить в уме портрет следователя Козелка, как хлопнула входная дверь, закрывшаяся за старшей по подъезду, и хрипловатый голос участкового назидательно заметил:

– Я на твоем месте, Федор Антонович, не стал бы доверять словам этой свидетельницы. Все в районе говорят, что зуб она на Семена Камальбекова имела, потому как на той рыбалке, где утонул ее Валерик, присутствовал еще и наш покойник. Так что как ни крути, а у Золотаревой имелся он, мотивчик-то. Это во-первых. А во-вторых, Сенька Пуп крупный уголовный авторитет был. Три ходки имел. Не так давно, с месяц назад, сунулся в бензиновый бизнес. А там, сам понимаешь, все места давно поделены. Так что ж он, шельмец, удумал? Стал бензин водой разбавлять да через своего человечка паленое топливо небольшим тамбовским заправкам втюхивать. Обманутые короли тамбовских бензоколонок кинулись поставщика убивать, а тот на Сеньку кивает. Так что вот тебе еще один мотив. Да и вообще если порыться в биографии нашего героя, то там много ярких моментов найти можно...

Что там ни говори, а все-таки трудно лежать под диваном и по отдельным репликам достраивать картину происходящего в комнате. Но я тем не менее смогла это сделать. Думаю, что следователь горестно обхватил голову руками, а участковый по-отечески приобнял его за плечи и тепло произнес:

– Да ты, Федя, не дрейфь. За мужество и гражданскую позицию уважаю. Это ты правильно сделал, что по совести решил дело распутывать. Ты человек в Москве новый, многого не знаешь. Тебе в любой момент консультация потребоваться может. Адресок один тебе дам. Ну-ну-ну, ты лицо-то сковородкой не делай. Историю тебе одну рассказать хочу. Может, чайничек поставим?

– Да нет, я бы того, в туалет лучше сходил... – промямлил поникший Козелок.

– Я надолго не задержу, в двух словах обскажу тебе ситуацию да и побегу по своим делам, – заверил его участковый. – А ты уж тут в туалет ходи, осмотр заканчивай – в общем, делай все до конца, как надо. Так вот, значит, какая история. В начале девяностых годов при управлении безопасности было создано подразделение «Мангуст». Может, слыхал? Ну да, конечно, не слыхал, особо про это не звонили.

Людей туда отобрали самых лучших и поставили перед ними задачу – в кратчайшие сроки очистить столицу от уголовной шушеры. Помнишь небось, какой в начале девяностых беспредел-то был? Ах, ну да, у кого я спрашиваю? Ты небось еще в войнушку с пацанами во дворе играл. Ну так вот. Возглавил «Мангуста» один следователь-важняк, которого так и стали называть Мангуст. Умница и светлая голова, помнил все эпизоды наизусть. Он и его ребята вычисляли готовящиеся по Москве и области преступления, сообщали в центр, и там уже СОБРовцы брали волчар за жабры, можно сказать, прямо в прыжке.

Рассказчик многозначительно замолчал, ожидая вопросов, и, так и не дождавшись, продолжал:

– Ведь сам понимаешь, к нам в столицу со всей страны лезет всякая мразь. Здесь жизнь шикарнее, да и затеряться легче. А потом случилась в жизни Мангуста беда.

Участковый снова замолчал и, как мне показалось, подозрительно часто задышал. И тут только юный бугульминский следователь обратил внимание, что с собеседником творится что-то неладное. Он завозился на диване и неуверенно произнес:

– Ярослав Сергеевич, с вами все в порядке?

– Нормально, – последовал приглушенный ответ.

И, справившись с минутной слабостью, майор Свиридов бойко закончил:

– В общем, он теперь на пенсии и консультирует только в особых случаях и в частном порядке. Ты, я смотрю, парень правильный, такому помочь не грех. На-ка вот, держи записочку, тут я написал адресок и пару строк Мангусту черкнул. Если что – обращайся.

Когда стихли шуршание бумаги и звуки возни, обычно сопровождающие засовывание записок в бумажник или уж там не знаю куда, тихий голос следователя Козелка, даже не пытаясь скрыть удивления, спросил:

– А вы, майор, откуда все это знаете?

– А я заместителем Мангуста по боевой части был. А теперь вот пошел в участковые, чтобы присматривать по месту жительства бывшего командира, как там да что.

* * *

Я с трудом дождалась той светлой минуты, когда за следователем, надолго засевшем в санузле, наконец-то захлопнулась входная дверь, и, охая, как старая подагричка, вылезла из-под дивана. Повела носом по сторонам и чуть не рухнула на пол. Некоторые люди так обильно поливают за собой освежителем воздуха, что хоть святых выноси. Следователь из Бугульмы был как раз из их числа. Приторно-сладкий запах, который Федор Антонович оставил после себя, буквально валил с ног и выедал глаза.

Немного попривыкнув к удушливой волне, что так и валила из сантехнического помещения, я раз пять присела и наклонилась, касаясь ладонями пола, пытаясь размять занемевшую спину и затекшие ноги и восстановить в сведенных судорогой членах кровообращение. И тут увидела прямо у ножки дивана, той, что у самой стены, славненькую такую круглую штучку. Всю серебристую, а по краю черный каучук пущен. Я вытащила штучку из-под кресла, подумала, что, если просверлить в ней дырочку и подвесить на цепочку, получится стильное украшение для моей переметной сумы, сунула находку себе в карман и снова стала разминать ноги. Но тело еще долго оставалось чужим и не желало выполнять команд разомлевшего под диваном мозга.

И тогда я с завистью подумала, что старый хозяин этого дома Ахмед Камальбеков не знал небось таких проблем. До преклонных лет вон, говорят, танцы свои вытанцовывал. Как, должно быть, это здорово – мотаться по миру и собирать различные пляски и хореографические номера, а потом скакать то козликом, то гориллой с перьями на голове и в разных других местах организма по сцене Кремлевского Дворца съездов. И денег, должно быть, за это немало отваливают. Вон какие хоромы этот Камальбеков себе отгрохал. А кто его сейчас любит и помнит? Думаю, пара-тройка старушек-билетерш по старой памяти, да и то если творчеством Бориса Моисеева всерьез не заинтересовались.

На непослушных ногах я отправилась с осмотром по квартире. В первый момент, кроме распластанного на полу мертвого тела, я ничего и не увидела, теперь же мне целиком и полностью открылись безбедная жизнь и роскошный быт исполнителей народных танцев. Ишь какую «плазму» себе поставили, мне на такую ни в жизнь не заработать. Даже если я и стану частнопрактикующим психологом с ученой степенью. Экран-то какой здоровый, метра три в длину будет.

И камин! Самый настоящий камин, выложенный голландскими изразцами. А на изразцах орнамент. Под сенью раскидистых дубов или осин, я не сильна в ботанике, голубые пастушки в тирольских шляпах наигрывают на свирельках своим не менее голубым пастушкам в кринолинах. Пастораль, да и только! Как говорил мой бывший парень Лешка: «Я тащщусь, ибо прикольно!» И барная стойка тоже довольно миленькая. А напитков-то вся-

ких-разных, напитков! Прямо даже обидно, что, кроме коктейля в стеклянной бутылочке «Шейк», я ничего не пью. А как было бы здорово сейчас развалиться на диване с бокалом вон того вон зеленого пойла в руке – не вижу отсюда, как называется, но бутылочка клевая.

Поколебавшись с минуту, я подошла к барной стойке и принялась изучать плотную шеренгу напитков. «Мартини бьянко», «Бейлиз», «Курвуазье», черт, всего и не перечесть. А вот маленькой прозрачной бутылочки с «Шейком» среди всего этого великолепия я так и не обнаружила. Тоже мне, приличный дом называется. Все вроде бы есть а того, что нужно, нет. С новыми, неизвестными мне напитками решила не экспериментировать – ну его, себе дороже. Налила в бокал грейпфрутовый сок из бутылки с широким горлышком и, закинув ноги на модерновую спинку, развалилась на синем кожаном диване, застеленном желтым пледом.

* * *

А уже через десять минут, наливая новую порцию сока, я твердо знала, чем буду заниматься в жизни. Танцы народов мира буду танцевать. Вот. И пошла эта психология куда подальше. На ней небось таких денег не заработаешь, чтобы вот так вот красиво жить. Я и в психологи-то подалась только потому, что там ничего особо делать не нужно. Знай сиди себе в кабинете и спрашивай каждого, кто сдуру к тебе сунется: «Вас что-то беспокоит? Хотите об этом поговорить? Ну, присаживайтесь, и, если вас мои тарифы не смущают, начнем, пожалуй. Итак...» И так из года в год. Скукота смертная. А тут езди себе по миру за казенный счет да только на камеру выкрутасы коренного населения отдаленных стран земного шара снимай. А потом перед зеркалом несколько танцевальных па разучил – и на концерт в «Олимпийский». А там уже полный зал поклонников. И все, как один, похожи на Лешку-предателя. Нет, что это я, в сто раз красивее. Нет, в тысячу! И все кричат: «Сашечка Абрикосова, мы тебя любим и обожаем!» А я им – цыганочку с выходом, вот так, вот так!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.